

УДК 32:316.4; 32:316.75

В.Г. Скочилова**ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИДЕОЛОГИИ**

Представлена модель идеологии как динамической системы. Особое внимание уделяется динамике идеологического поля: анализу его текущих состояний и характеру функционирования в некоторый момент времени. Рассматриваются изменения в идеологическом поле, составляющие идеологический процесс.

Ключевые слова: политическая идеология, динамическая система, идеологическое поле, идеологические процессы.

Доктринальность и стремление к утилитарности характеризовали идеологии весь период Modernity. Жесткость формы рациональных проектов позволяет исследовать данный феномен, скорее, в статике. Изменения же идеологического пространства определяются в данном ракурсе рассмотрения как изменения в последовательных во времени статичных состояниях идеологической системы. Усложнение и вместе с тем размывание социальной реальности внесли свои коррективы в существование социокультурных феноменов. Сегодня мы говорим о трансформации идеологических форм, которые приходят на смену догматичным проектам. Современная идеология – непрерывно трансформирующаяся система. Рассматривая систему как множество элементов, находящихся в определенной связи и упорядоченных в целостном единстве, мы также говорим об определенном способе организации и существования целого, т. е. системы как формы. Последовательность смены состояний – процесс, который может быть рассмотрен как поток переходов элементов, объединенных в пространстве, а также как последовательные состояния системы как целого. Таким образом, динамическая система понимается нами как последовательность состояний пространственной структуры, обладающей качествами системы. Основное внимание уделяется не качественному состоянию системы в определенный отрезок времени, а самому процессу, непрерывному потоку изменений.

Рассмотренная как динамическая система идеология обладает системной определенностью (качествами и характеристиками системы) исключительно как поток смены состояний. П. Штомпка применительно к социальной жизни отмечает: «Реальны постоянные процессы группировки и перегруппировки, а не стабильные протяженности, именуемые группами; процессы организации и реорганизации, а не стабильные организации; процессы «структурирования», а не структуры; формирование, а не формы; изменчивые «фигуры», а не жесткие модели» [1. С. 28], а применительно к динамике идеологий значение имеют не идеологии как формы, а постоянные идеологические процессы, процессы её структурирования, формирования и т.п. Таким образом, присущие системе структурные характеристики становятся постоянно ускользаю-

щими, и потому структура идеологической системы не может быть рассмотрена вне процесса.

В динамической модели идеология рассматривается как среда идеологических отношений и взаимосвязей, где «мы постоянно наблюдаем: артикуляцию, легитимизацию или переформулирование идей, возникновение и исчезновение идеологий, убеждений, доктрин и теорий» [1. С. 29]. Для удобства мы предлагаем использовать категорию «идеологического поля», которая, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает процессуальность данного феномена. Идеологическое поле – особым образом структурированное пространство нормативно-символических форм, находящих свое отражение/выражение в соответствующем фрагменте реальности, а также сфера и результат деятельности по объединению этих символических форм общим практическим смыслом и содержанием. Уточним наше понятие «идеологическое поле» с трактовкой «поля» у П. Бурдьё, где поле – «это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают» [2. С. 18], и Н. Шматко: «Поле есть место отношений сил – а не только смысла – и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений, и, как следствие, это место непрерывного изменения» [2. С. 20]. Таким образом, идеологическое поле «снабжается» и фактором борьбы, а именно символической борьбы за «сами представления о социальном мире и, в частности, об иерархии внутри каждого поля и между различными полями» [3. С. 55].

Динамика идеологического поля охватывает, **во-первых, функционирование данного поля в некоторый момент времени**, весь событийный ряд, взаимоотношения агентов и контрагентов по формулированию критериев восприятия и оценивания социальной реальности.

Борьба за «власть смысла» есть двусторонний процесс. П. Штомпка предлагает следующую схему раскрытия текущих состояний. Реальность, имеющая тотальный и индивидуальный уровень, уровень «целостности над-индивидуального типа» [1. С. 268] и уровень конкретных индивидов и общностей, реализуется через термин «практика» – «комбинированный продукт момента оперирования (на уровне тотальностей) и направления действий, предпринятых членами общества (на уровне индивидуальностей)» [1. С. 273]. Практика актуализирована и соотносится с «деятельностью», которая предоставляет возможности для возникновения практики. Это своего рода внутренний импульс, раскрывающий ряд потенциалов для свершения действительности. Таким образом, в «деятельности» соединяются структуры на уровне тотальностей и индивидуальности, обуславливающие её как «сверху», так и «снизу». Потенциальные возможности, синтезированные агентами и структурами, реализуются в практике через следующие последовательности: «структуры – раскрывающиеся – в – оперировании, агенты – мобилизующиеся – в – действии, и синтетический процесс «деятельности – эвентуализирующей – в – практике» [1. С. 275]. Автор отмечает и необходимость учета «обратных связей», когда собственное оперирование преобразует структуры, а действия агентов преобразуют их самих, равно как и «деятельность значительно пре-

образуется практикой», становясь «деятельностью-конструированием» [1. С. 276].

Мы должны отметить также, что действия агентов создают или воспроизводят «структуру» таким образом, что поле всегда находится в процессе. При этом акторы в своих действиях ограничены и обусловлены социокультурными факторами, в которых подтверждается достоверность и правильность действий и последствий практики. Реальность, таким образом, является тем, что П. Бурдье определяет как «продукт двойного социального конструирования» [3. С. 63]: она сформирована агентами и формирует агентов, которые являются одновременно производителями и продуктами структуры.

П. Штомпка использует понятие «идеологической среды», в контекст которой он помещает модель социальных процессов. Это «социальное сознание», действующее на всех уровнях. «Потенциальные возможности агентов, – пишет автор, – в значительной степени зависят от того, что люди в данном обществе действительно думают и во что верят (на уровне индивидуального и коллективного сознания), и от того, что их заставляют думать и во что верить идеологические структуры (идеологии, предписания, традиции, «встроенные» в социальное сознание)» [1. С. 279]. Тогда как в практике подтверждается жизнеспособность и легитимность тех или иных идей. Деятельность и практика опосредованы сознанием – индивидуальным, коллективным, социальным. Иными словами, идеальный континуум, объективно-субъективно сформированная идеологическая среда являются для сознания основным источником интерпретаций. Таким образом, в данном случае идеологическое поле помещается внутри социально-политического процесса и становится фактором, опосредующим социальные практики.

Динамика же самого идеологического поля, с нашей точки зрения, может быть представлена так, как показано на рис. 1. Здесь акцент смещается в область потенциальных возможностей. Уровень идей, идеологием, мифологием, идей-образов, собственно идеологий, как программ и проектов, становится возможным благодаря слиянию уровней надиндивидуального и индивидуального. Структуры, которыми могут выступать культура, государство, общество, политические партии, общественные организации и пр., навязывают собственные символические конструируемые структуры, тогда как субъекты через интернализацию включаются в процесс конструирования политической реальности. Реальная политическая практика и политические процессы, поддерживаемые той или иной идеологией, опосредованы сверху функционированием институтов и иных организационных макроформ и поведением субъектов и их групп – снизу. Горизонтально структуры раскрываются и реализуются через трансляцию официальной идеологии, пропаганду с использованием специальных средств воздействия и влияния (СМИ и СМК, административный ресурс и пр.). Субъекты мобилизуются в действии посредством идентификации на основе политических ценностей. Центральный идеальный и актуализированный уровни в своем взаимодействии и составляют сконструированную политическую реальность.

Уровни и измерения идеологического поля в совокупности образуют весь контекст изменений, происходящих в нем. Тем самым мы обращаемся ко **второму компоненту** динамической модели: это, собственно, **изменения в**

идеологическом поле как последовательность событий и состояний во времени. Изменения в идеологическом поле – это, в первую очередь, **идеологический процесс**, т.е. различные состояния идеологического поля.

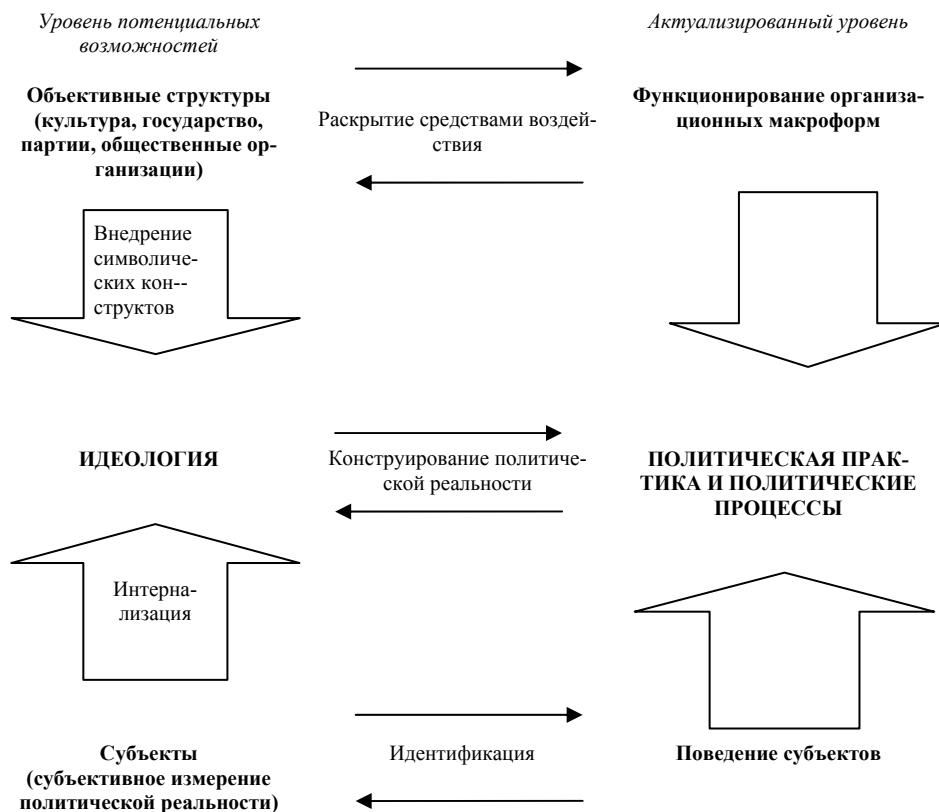


Рис. 1

П. Рикёр предложил выделить три «оперативных уровня феномена идеологии в зависимости от их воздействия на постижение мира человеческой деятельности» [4. С. 121]. Трехуровневая модель действия идеологии, анализируемая автором, определяет идеологический процесс. П. Рикёр апеллирует к концепциям идеологии К. Гирца, М. Вебера и К. Маркса. Здесь осевым является процесс легитимации власти идеологией, который поддерживается более фундаментальным процессом интеграции мира посредством символических форм и более поверхностным – искажением реальности.

Опираясь на Марксовы положения, уровень искажения реальности предполагает, что в основе феномена идеологии – самоиллюзия реальности, порождаемая человеком как агентом социального действия. Именно термин «иллюзия» является поясняющим и уточняющим, раскрывающим смысл идеологического у Маркса. «Иллюзии» и «иллюзорное сознание», претендуя

на универсальность и всеобщность, тем не менее не являются абсолютным антиподом «реальности». Напротив, в марксистской концепции представление о реальности и сама реальность находятся в постоянной взаимосвязи. А. Баллаев, анализируя Маркса, пишет: «Идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в неё». Эта «реальность» создает иллюзию о себе самой, или класса о самом себе, или национальные самоиллюзии [5]. Таким образом, понятие «иллюзорного сознания» (или, по Энгельсу, «ложного сознания»*) в марксистской концепции является фундаментальным, поскольку в идеологиях оно становится первичным по отношению к реальным интересам. Но при этом идеологическая форма не имеет ничего общего с обманом и возможностью манипулирования сознанием. Социально детерминированные иллюзии в идеологических конструктах становятся теоретизированными формами освоения социальных практик, и, таким образом, идеология представляет собой подход к действительности, позволяющий формировать реальность («искаженную реальность» в терминологии Маркса), которая, по Марксу, предстает в зеркале идеологии в искаженном, перевернутом виде. Таким образом, расширяя марксистское «искажение», мы можем говорить, что в данном случае речь идет о формировании форм видения мира политики.

Создание мира или миров идеологии позволяет нам говорить о фрагментации идеологического поля, выделении в нем конкретных идеологий-текстов, идеологий-мировоззренческих форм и идеологических течений. В данном случае речь идет о выделении в мире политического двух измерений: весьма условно, «идеологического» и «неидеологического». В первом случае предполагается оценочное отношение в рамках заданного конструкта. Второй как будто бы опирается на мышление когнитивное, как его определяет К. Гирц [6]. Либо мы можем говорить об идеологиях, которые условно могут быть разделены в соответствии с классическими формами на либерализм, консерватизм, социализм, национализм, прочие «измы» и их современные модификации. Так или иначе каждая из этих форм может выступать как искаженная картина реальности, вмещающая в себя представления об определенном срезе этой реальности (ограниченной мировоззренческими рамками). Исключая, преувеличивая, разделяя, означивая, идеология тем самым искажает реальность и осуществляет работу по созданию виртуального мира. Любое разграничение в представлениях о мире политического определяет границы «должного», границы «соответствия», маркирует мир в категориях ценностей и уже потому является «идеологическим».

Так, Дж. Шварцмантель отмечает, что большую часть XX века идеологическая картина мира имела два основных конфликтных полюса: либерализм и коммунизм. Именно первый был назван «внеидеологичным» в смысле отказа

* А.Б. Баллаев отмечает, что, вопреки сложившемуся мнению многих исследователей марксизма, термин «идеология», согласно Марксу, вовсе не тождествен «ложному сознанию» и Маркс не использует термин «ложь» для объяснения феномена идеологического. Тезис об идеологии как о «ложном сознании» принадлежал Энгельсу. «Ложное сознание» есть следствие классового конфликта и, в частности, выражение партикулярных интересов, выдаваемых за всеобщие, другими словами, такое сознание, когда знание об обществе и социальных конфликтах преломляется сквозь призму каких-либо интересов.

от навязывания систем убеждений [7. С. 23] и, возможно, признавался таковым, как явный антипод тоталитарной идеологии. Следует упомянуть при этом, что и советская марксистско-ленинская идеология претендовала на «неидеологичность», акцентируя внимание на научности обоснования коммунистического строя. Но вместе с тем именно либеральные западные демократии подвергались наибольшей фрагментации идеологического поля. Как пишет Шварцмантель, в силу своей приверженности плюрализму либеральные идеологии являлись «открытыми» системами и могли дополняться, например, социал-демократическими идеями в ответ на общественные вызовы. И здесь мы подходим к вопросу «масштабности» идеологии, а именно: в каких пределах мир идеологии может быть сформирован?

С падением коммунистического режима с авансцены исчез явный идеологический конфликт. Именно с этого момента, как утверждает Шварцмантель, современная политика и общество стали «постидеологическими» [7. С. 33–34]. На смену «старым» тотальным идеологиям, предлагающим наиболее «общую» картину социально-политического мира и проекты масштабных изменений, пришли идеологии «молекулярные», как их определяет автор. Новый тип идеологий стал результатом фрагментации общества, где прежние коллективные формы и социальные тотальности утратили свое значение и влияние на деятельность людей. «Молекулярные» идеологии ориентированы, в первую очередь, на решение конкретных задач и проблем макрогрупп, представляя тем самым более специализированный проект общества и социально-политических изменений. Тем не менее, сам Шварцмантель отмечает: «Найти достойное обоснование любой кампании – борьбе за решение конкретной проблемы – можно только исходя из некоторой общей философии – то есть идеологии. [...] Любую проблему можно выделить исключительно в структуре более глобальной идеологической политики, которая, выражаясь метафорическим языком, формирует карту мира и позволяет определить, почему какая-то проблема действительно является проблемой и за нее стоит бороться или выходить на демонстрацию» [7. С. 19]. Иными словами, действуя в рамках единого идеологического поля, тотальная идеология определяет рамки для идеологий фрагментарных.

Группа российских авторов также предложила свою концепцию тотальной и частичной идеологии, основанную на анализе трудов К. Мангейма [8]. Частичная идеология (обозначаемая также как политическая или партийная) является продуктом определенной группы, отражающим её представления о круге вопросов, касающихся воспроизводства власти, целей и действий для их реализации. Эти идеологии всегда направлены на динамику социально-политической системы, и формирование частичных идеологий есть производство проектов радикальных изменений. Идеология же тотальная, по мнению авторов, не может быть сформирована и оформлена в готовую идеологическую модель. Концептуализация тотальной идеологии может осуществляться лишь при наличии определенного «социального запроса» и лишь как процесс по «выявлению и воспроизведению основных ее референций в явной форме» [8. С. 17]. Тотальные идеологии выступают в качестве культурных форм, являясь при этом самовоспроизводящимися системами, символически поддерживающими и структурирующими универсум. Необходимо отметить,

что в данном случае концепция тотальной идеологии существенно отличается от трактовки тотальных идеологий, предложенной Шварцмантелем. Здесь понятие «тотальная идеология» по своему объему выходит за пределы «политического» и предстает как некий субстрат воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности, находя свое выражение в традиции. Также и идеологии частичные представляются более масштабными, чем «молекулярные» идеологии, поскольку рассматривают более широкое «поле действия» и предлагают программу всеобщих политических и социальных изменений.

Таким образом, мы можем выделить следующие идеологические формы видения мира политики. Во-первых, фрагментарные идеологии («молекулярные»), сформированные как специфические проекты, отвечающие конкретным целям, задачам и запросам малых групп. Во-вторых, тотальные идеологии в узком смысле, как формы видения социально-политического мира, предлагающие широкомасштабные проекты изменений. И, наконец, тотальные идеологии в широком смысле – глобальные картины (и проекты) социально-политического мира, несущие в себе культурные основания формирования идеологий и идеологических трансформаций.

Наряду с процессом «искажения», то есть процессом создания и существования идеологических форм, осуществляется более глубокий процесс интеграции мира в целое посредством символических форм. Семиотический подход К. Гирца демонстрирует, как сформированные идеологические формы становятся матрицами, организующими социальные и психические процессы. Кроме того, идеология является тем «внешним источником информации», который позволяет индивидам постичь, сделать доступным восприятию незнакомое политико-культурное пространство и обеспечивает общественно-политическими смыслами и моделями политического действия.

Для Гирца эффективность идеологии заложена в успешной корреляции между символикой и семантикой. Символ несет в себе более сложный и неоднозначный смысл, чем буквальное значение. Тропы и, в первую очередь, метафоры создают взаимодействие и связи между разнородными смыслами, символически объединяя их в однородную концептуальную схему [6. С. 19]. Иными словами, семантическое измерение у Гирца позволяет идеологии осуществить работу по символической маркировке социально-политического пространства и его освоения индивидами.

Идеологические формы стремятся к универсализации и идеологизации существующего символического универсума, и уже поэтому могут быть рассмотрены нами как системы взаимодействующих символов. Символическая система понимается нами в данном случае как организованная система, не только определяющая рамки понимания, но и система, определяющая образцы и схемы социально-политического поведения и действия.

В сущности, рассматривая данный уровень идеологического процесса, мы говорим о трансляции и передаче символических практик в контексте определенных идеологических конструктов. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, конструирующим фактором всех знаковых систем и символических практик является язык, который имеет свойство выходить за пределы повседневности, связывая разрозненные сферы реальности и перемещая смыслы [9. С. 69–70]. Феномен идеологии базируется на специфике отображения мира и практиче-

ски уникальных способах осуществления властной конкуренции и коммуникации [10. С. 8–9]. Символическая коммуникация, являясь уникальным типом властного принуждения, предполагает высокий адаптационный потенциал среды. Компенсаторно-адаптационные функции символического мышления связывают воедино фрагментарные и часто противоречивые проявления реальности. При этом нам необходимо отметить, что, определяя идеологию как символическую систему, мы подразумеваем определенный контекст, предполагающий отношения власти, господства и влияния. Процесс адаптации суть «понимание человеком силы и ресурсов верховной власти, а, следовательно, осознание им потенциальной угрозы [...]» [11. С. 7] зафиксирован в символах. В таком контексте идеология выступает как особая форма символического принуждения. Такое действие само по себе выступает как символ, использующий символические ресурсы для легитимации и упрочнения существующего политического порядка.

И, таким образом, мы подходим к центральному уровню идеологического процесса, осуществляемого на стыке «искажения» и «универсализации», процессу легитимации власти идеологией. Идеология выступает как проявление символической власти, однако не всякие политические практики, носящие символическую форму, возможно наделить идеологическими функциями, но лишь те, которые способны обеспечить легитимацию или делегитимацию существующего порядка.

Как пишет Ш. Эйзенштадт, путем актуализации тех или иных идей и обращения к каким-либо концепциям социально-политического (и культурного) порядка в институциональной сфере формируется принцип легитимности, поддерживающий процессы властеотношений и целедостижения [12. С. 78]. Идеология задает и определяет те способы, в которых значения, мобилизованные посредством символических форм, служат установлению, поддержанию и признанию определенного порядка и власти. Легитимация обеспечивает связь общего и частного, связывая воедино целостные нормативно-символические формы и позволяя более частным символическим системам обрести согласованность, обеспечивая тем самым основания для политической идентичности. На уровне легитимации публичной деятельности придается смысл, на который социально-политические акторы ориентируются в своих действиях. В связи с этим Ш. Эйзенштадт отмечает, что процесс легитимации оказывает влияние, «во-первых, на природу всех принципов распределения политической власти и доступа к ней; во-вторых, на определение главных ориентаций и целей политической сферы; в-третьих, на основы контроля правителей над ресурсами; в-четвертых, на основные аспекты политической борьбы и политической организации в данном обществе» [12. С. 78]. Таким образом, легитимация в контексте идеологического процесса является не только и столько процессом признания и оправдания отношений власти и влияния, сколько свойством определенного представления о социально-политической действительности.

Итак, «идеологический круг» замыкается. Разделение идеологического процесса на уровни является весьма условным, поскольку все они являются не только взаимодополняющими, но и взаимовоспроизводящими. В такой

триадной модели идеология предстает как средство, позволяющее власти свершиться.

Литература

1. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. *Шматко Н.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
3. *Бурдьё П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
5. *Баллаев А.Б.* Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. 1989. № 3. Электронный ресурс: http://www.philosophy.ru/iphras/library/i_ph_3/_03.html
6. *Гирц К.* Идеология как культурная система // НЛЮ. 1998. № 29. С. 7–38.
7. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.
8. *Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М.* Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. №11. С. 12–27.
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
10. *Соловьёв А.И.* Политическая идеология в российском транзите: возможности и пределы влияния // Власть. 2001. № 8. С. 8–15.
11. *Соловьёв А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23.
12. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс. 1999.